

ГРАНИ
ВЫБОРА

ВЕРА КАМША

СТУРНИЙСКИЕ МОЗАИКИ

ИЗБРАННЫЕ
МИРЫ

Вера Камша

Стурнийские мозаики

«Автор»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Стурнийские мозаики / В. В. Камша — «Автор», 2023

Великое и смешное, неизбежное и случайное, уродливое и прекрасное...
Из скольких смальт мозаичник Время выкладывает картину имя которой
История? Восстают против бессмертных титанов люди и кентавры. Идут на
штурм захолустной имперской крепости осмелевшие варвары, ждет своего
единственного девушка из провинциальной харчевни, суетятся обделывают
свои делишки временщики, складывает бессмертные строки обреченный на
смерть в нищете поэт... Флейта фавна поет о любви, гитара человека будит
прошлое и прошлое подставляет плечо настоящему, спасая будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Камша В. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Стурнийские мозаики	6
Боги смотрят	8
Часть первая	8
Часть вторая	16
Имя им – легион	23
Часть первая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера Викторовна Камша

Стурнийские мозаики

© Камша В.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Стурнийские мозаики

Автор благодарит за оказанную помощь ведущего научного сотрудника Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктора исторических наук Игоря Юрьевича Шауба¹.

*Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.*

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

*Невероятно до смешного:
был целый мир – и нет его...*

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

¹ Автор и его консультант осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что фавны и кентавры проходят по разным ведомствам, прокуратор – всадническая должность, римское имя должно быть трёхкомпонентным, ланг не является оружием легионера et caetera, но где Рим, а где – Стурн и тем более Эпокарийское царство.

Боги смотрят

Часть первая Эпокария

7711 год от знамения Стурнийского

I

Мозаичник был худ, как жердь, а двое из троих его приятелей – полнотелы и румяны. От возбуждения и избытка вина. Напряжение третьего – гнедого кентавра – угадывалось по тому, как красновато отблёскивала в чуть раскосых человеческих глазах недобрая лошадиная звезда. Кентавра Асбн знал, хоть и не слишком близко, его сотрапезников видел первый раз в жизни и, очень на то походило, последний.

– Я не пью перед боем. – Асон решительно прикрыл ладонью достойный Царя Эпокарийского кубок. – И вам не советую. Может, сперва вы и станете храбрыми, но потом вы станете мёртвыми.

Сонэрг с силой стукнул кованым копытом о мрамор и засмеялся, вернее, заржал. Мозаичник торопливо выпил, сосед Асона справа, кажется, храмовый каллиграф, махнул красивой длиннопалой рукой.

– Осторожность нас спасёт, если мы удерём, а удирать некуда. То есть нам некуда... Вот слюдяниц и голубей я выпустил...

– Ты выпустил слюдяниц?! – Разом подобравшийся кентавр принялся разглядывать пол. – Куда?

– В водосборник, – успокоил каллиграф. – Может, выплывут.

– Или вылезут в Нижних храмах, – осклабился Сонэрг, – и поприветствуют иклутских ублюдков. У них это выйдет лучше, чем у вас.

– Я выпью и что-нибудь напишу, – вдруг заявил третий, до того сосредоточенно тарашившийся на сваленное в углу оружие. Оно тоже было бы достойно Царя, будь Царь достоин его. – Вот напишу, и всё! Напоследок... От души и для души. Раз в жизни можно, а, «звёздный»?! И к горгонам форму! Судить будут не жрецы, а боги. Им вряд ли важны размер и рифмы.

– Богам ничто не важно, – фыркнул кентавр, и Асон вспомнил, как давным-давно выпытывал у старины Сонэрга, на кого ставить. Тот подсказывал с такой же брюзгливой миной. Разумеется, если не дрался сам.

– Богам ничто не важно, – назойливо повторил гнедой. – Иначе б они кого-нибудь уже испепелили. Не вас, так иклотов, будь они прокляты, но боги, будь они прокляты тысячу раз, только смотрят!

– Сонэрг, – не очень уверенно попросил каллиграф, – не кощунствуй.

В ответ кентавр хрюкнул и выплеснул в свою кашу едва ли не бочонок красного, даже не подумав смешать его с водой. Случайные сотрапезники, бронзовые и мраморные изваяния, накрытый прямо в недостроенном храме стол – все это казалось бредом, но бредом последние годы было все, от взбесившихся людей до бросившего скипетр Ниялка. Сорок с лишним лет бреда – это слишком, но конец был очевиден и близок. Его оттягивали не из страха и даже не из ненависти к взбунтовавшейся глине, а по привычке. Драться до последней возможности, не складывать оружие, а упав, подниматься. Этому «звёздных» учили всю жизнь, это и было их жизнью, которая принадлежала Небу и Царю, только Небеса молчали, а Ниялка вспоминать не хотелось. Царь своё получил, и в этом не было ни радости, ни горя, разве что извращённая справедливость. Отрёкшийся владыка умер, и умер страшно. Некогда светлое царство, от которого он отрёкся в надежде сохранить – нет, не жизнь, тогда ей ничего не грозило – покой, ещё билось в агонии.

– Ну и зачем я тебя привёл? – Повеселевший Сонэрг отпихнул свой котёл и опустил на плечо Асона покрытую почётными татуировками ручищу. Человек рухнул бы на пол со сломанной ключицей, титан лишь поморщился:

– Откуда мне знать? Может, память?

– Может. – Второй ручищей кентавр подгрёб к себе мозаичника. – Помнишь, как я уделал белоногого?

– Это ведь был твой первый венок? – переспросил мозаичник. – Я тогда здорово просадился...

– Не ты один! Давай ключ – выйду. Храм всё-таки...

– Зачем? – не понял каллиграф. – Всё равно завтра эти...

– Вот потому и выйду. Не хватало, чтобы тут скотство нашли!

– А... Всё равно скажут...

– Скажут – да. – Сонэрг зло сощурился. Именно с таким взглядом он выходил на ристалище. – Только это будет враньём! Я согласен на любое враньё, но не на правду, которая понравится иклутам. Они вас ненавидят, но вы для них все ещё боги. Извольте таковыми и сдохнуть!

* * *

– Пора, друзья. – Идакл оглядел смотревших на него воинов и твёрдо повторил: – Пора. Хватит тянуть. Весной на месте их проклятых лабиринтов должны зазеленеть оливковые рощи. Земля и воды должны давать, а не брать!

– Зачем торопиться? – Невкр, сводный брат вождя, обезоруживающе улыбнулся и подул на горячую, только с огня, лепёшку. – Каждый лишний день – подкрепление для нас и отчаянье для них. Оливы смертны, но живут долго, что для них одна весна? Она ничто даже для нас, а мы свои годы в отличие от белобрыхых считаем. Глупо позволять им забирать нас с собой.

– Ты ешь давай! – засмеялся вождь. Сегодня он ужинал у костров лекавионской фаланги. Значит, завтра лекавионцам выпадет самое трудное и самое почётное.

– Я ем. – Стратеги Идакла от простых воинов отличались лишь двойными плащами – алыми, скрывающими кровь, днём, белыми, указывающими путь, ночью. – Только у скольких из сидящих возле этого костра есть сыновья?

– Хорошо, если у трети, – негромко предположил Идакл. – Свобода – бог молодых, но ждать опасней, чем драться. Мы загнали титанов в нору и раздавили их гордость, но они могут опомниться. Или сойти с ума. И то и другое нам обойдётся дороже штурма, ведь Линдеи даже не крепость. И не забывай: войску нужно есть, и есть хорошо. Земледельцы и пастухи и так отдают нам больше, чем могут, мы не вправе объедать их ещё год. Война – это вытопанные поля, необработанные сады, нерождённые дети... Сорок лет... Я старше большинства из вас, но и я не помню мира. Пора положить этому конец. Копейщик, с кем ты согласен? Со мной или с моим братом?

От неожиданности Тимезий вздрогнул. Он сражался с белобрыхыми восьмой год и в свои двадцать пять по праву считался ветераном, но «говорить» с титанами было проще, чем отвечать вождю. Горло отчего-то перехватило, и этим воспользовался паршивец Клибнт.

– У меня нет жены! – выпалил он и отчаянно покраснел. – Но у меня шестеро братьев. Младших... Если меня убьют, они останутся, и они... будут счастливы!

– И они, – очень серьёзно подтвердил Идакл, – и тысячи, десятки тысяч других. Те, кто завтра умрёт, умрут за них. И станут бессмертными. Память живущих и есть наш элизий! Иного вечного блаженства мы не ищем, да его и нет!

Я не раз говорил, что Линдеи должны быть разрушены, а Стурнон – сожжён. Мы для них ничтожные «иклуты», они для нас – мертвецы. Я говорил это, когда нас били, я говорил это, когда мы в первый раз устояли, я говорил это вчера у костров ионнейцев. Сейчас я говорю это вам. Впереди – победа. Окончательная. Истинная. Победив, мы, дети Времени, братья Свободы, мужья Гордости, создадим своё царство, царство людей, в котором все будет зависеть от нас: ведь наши боги всегда с нами. Их не нужно отливать в бронзу и переводить на них мрамор. Плодоносящая олива – вот наш бог. Память, которую мы передадим сыновьям, – вот наш бог. Свобода и гордость, дети и любимые – вот наши боги. Мы не строим им капищ, мы носим их в сердцах.

Мы – пчёлы Времени Всемогущего, нам отпущен малый срок, но падающие звёзды, сгорающая, вершат судьбы мира и указывают путь. Пусть каждый из нас не так уж и силен, но кто одолеет Рой? Мы собираем мёд для своих детей, и отжившим своё титанам не встать на нашем пути. Готовьтесь к штурму, друзья. Первыми заговорят тараны кентавров, вторыми – ваши копья и пращи. Постарайтесь как следует выспаться и не забывайте: наша сила в плече товарища. Держите строй. Не отрывайтесь друг от друга, не торопитесь, не опускайте щитов...

Воин, а ведь я вспомнил твоё имя. Ты – Тимезий, один из уцелевших у Ионнейского брода. Ты ещё добыл у титана копьё, оно с тобой?

– Я переделал его под свою руку...

– Он его не только переделал. – Полусотник Арминакт гордился успехами подчинённых сильнее, нежели собственными. – Наш Тимезий объяснил троим белобрысым, что их Время пришло.

Вождь удовлетворённо кивнул, Невкр вновь светло улыбнулся: на счету брата вождя было не меньше дюжины титанов, а Идакл, пока стратеги не запретили ему видеть бой иначе, чем со спины коняги, прикончил десятка два. Что в сравнении с этим трое ополченцев, пусть и выше тебя на две головы?

– Я ещё не встречался с мечеглазами, – честно признал Тимезий.

– И ещё ты не ответил на мой вопрос. – Идакл в отличие от брата почти никогда не улыбался. – Тебя опередил товарищ, но ты видел больше него. Присмотри за ним в бою. Пусть у матери останутся все сыновья. Все семеро.

На этот раз Клионт промолчал и даже уставился на свои сандалии. Тимезий ухватил мальчишку за ухо.

– Я так и так это делаю, вождь. И я согласен: Линдеи должны быть разрушены. Войну пора кончать.

* * *

– Любуешься? – Сонэрг соизволил заговорить, когда Асон напрочь забыл об уединившемся на заваленном строительным хламом дворе кентавре. – Иклуты так не построят...

Вышедший подышать «звёздный» не ответил, зачем? Ночь, как назло, выдалась безоблачной, и Линдеи тонули в лунном молоке. Пустота и резкие чёрные тени превращали ещё живой город в зависший на границе небытия призрак, но галереи, статуи, храмы существовали, и их следовало защищать. Если позволить людям пройти до самого Стурнона без боя, они заподозрят ловушку, и потом, не бросать же всё это просто так! Молчание богов и слабость царя смыли со щитов их имена, но сами щиты остались.

Сзади совсем по-лошадиному вздохнул Сонэрг. Он тоже смотрел. Кентавров, тех, кто сохранил верность, в Линдеях не набралось бы и сотни, и Асон уже перестал понимать, почему они здесь. Прежде это казалось в порядке вещей: титаны – избранные Небом господа, кентавры, фавны и горгоны – их ближайшие и вернейшие слуги. Мир вспыхнул сухой соломой, горгоны вспомнили о крыльях, фавны попрятались, кентавры приняли сторону людей, а Сонэрг со товарищи наплевали на мятежных сородичей, и теперь те спят и видят переломать по новой традиции «отступникам» все ноги. Почему кентавры изменили, Асон понимал, почему изменили не все – нет.

– Сонэрг! – Гнедой прожил достаточно много, даже больше, чем Асон, вдруг сможет объяснить? – Почему ты здесь?

– Потому что пока не сдурел. – Могучая нога одним ударом разнесла в щепки пустой бочонок. – Справедливости им хочется, как же! Справедливость, это когда первый – первый, последний – последний, и все знают цену всем. Я на ристалище первый уже третью сотню лет. Не случись этой дури, ещё б столько продержался. Ну а всяким одрам это поперёк горла, только в первые им не выйти, вот и бесятся. Думают, я мешаю, а дело – в них. Я, может, завтра околею, только навоз навозом от этого быть не перестанет, так и с иклутами. Ну, выбьют они вас, а дальше? Всё равно в сорок останутся без зубов, в пятьдесят – без девчонок, а в семьдесят сдохнут. И чтобы я такое на спину сажал?!

Всадников на кентаврах Асон помнил. С них поражение и началось, с них и с того, что у людей появился вождь. «Звёздный» невольно потянулся к мечу. Отдав Небу положенное и

выслужив личный клинок, он не думал когда-нибудь вновь войти в здешний Лабиринт. Носитель звезды мог жениться, зажечь собственным очагом, иметь ребёнка... Они с Интис хотели сына. То, что пришлось встать между святынями и низкорослым визгливым сбродом, до сих пор казалось невероятным. Циклопы, вернувшиеся из-за моря изгой, драконы, наконец, – это было бы понятно, но люди?!

– Я понял, почему ты не с ними. Только это не повод подышать с нами. Ты мог просто уйти. Фавны так и сделали.

– Эти?.. – Сонэрг смачно фыркнул. – Привалившиеся спиной к стволу оливы... Со свирелями и козлиными задницами. Тоже вымрут. Скоро и пакостно. Вот на это я бы глянул. И на тех дураков, кому вы глаза застите. Так застите, что собственного дерьма не разглядеть... Ничего, насладятся ещё. Царство радости, счастье для всех... Тьфу! Видал я такое в садке со слюдяницами. Есть кого жрать, жрут. Нет – жрут друг друга, вот и считай: вам, бессмертным, конец, а тут – мы. Понравится иклутам, что полускотам по тысяче лет отмерено? Вы нам с одного бока наподдали, они с другого врежут, с завистливого. А назад их не загнать, разве что боги наконец зачешутся. Пошли, выпьем, что ли.

– Иди.

– А ты?

– Я – в Стурнон, – внезапно решил Асон. – Вряд ли я завтра до него... доживу.

– Пить и в самом деле хватит, а дрыхнуть не выходит. – Сонэрг как-то странно протянул руку. – Влезай!

– На тебя? – Отречение Ниалка и то было не столь невозможным. – Верхом?!

– А то, Время тебя за уши! Хочу сбежать на ристалище... В одиночку – тошно, наши... те, кто не сдурел, не поймут, а тут – ты.

– Я не «краснорукий».

– А где те «краснорукие»? Лезь! А в Стурнон успеем!

Больше Асон не спорил. Безумная ночь требовала безумств и боялась пустоты, а на линдейском ристалище он провёл не худшие часы. Сонэрг принял с места коротким галопом. В Лабиринте проживший в Линдеях чуть ли не всю свою жизнь кентавр разбирался не хуже жрецов и стражи. Мимо проносились громады зданий, белели рёбра галерей, жёлтыми звёздами вспыхивали костры или распахнутые двери. Послышался звон струн, женский – Всесоздатель, тут остались женщины! – голос запел хвалу вечерней звезде и утонул в цокоте копыт. Следующая песня за следующим поворотом была мужской и пьяной. Её тоже надолго не хватило...

II

Справа от почти полной луны догоняли друг друга две звезды – красноватая и ласково-голубая. Смерть и Жизнь. Дочери Времени Всемогущего. Сестры никогда не ссорятся. Смерть берет то, что не может удержать в горстях Жизнь. Жизнь собирает то, что потом отдаст Смерти. Завтра они поделят пришедших к Линдеям, а пока здесь властвует луна. И мешает спать. Тимезий ткнулся лицом в верный мешок, но ни плотно прикрытые веки, ни потёртая овчина не спасали от настырного светила. Копейщик сдался, перевернулся на спину и открыл глаза.

Луну медленно рассекало узкое облако, единственное на небе. Выше звёздные Кони рвались из рук Колесничего, в ногах его валялся никому не нужный Венец. Ночь перевалила за половину, но до рассвета было неблизко. Последняя ночь перед последним штурмом... Тимезий слишком хорошо знал титанов, чтобы не понимать: бой будет страшным. Сломать церемониальные ворота, пусть и замурованные, для коняг – игрушки, но дальше придётся туго.

Стараясь не шуметь, человек вытащил копьё и кусок козьей шкуры – протереть наконечник. Это хоть как-то отвлекало от лезущей в душу луны и неуместных перед схваткой мыслей, а жить хотелось всё сильнее. Отчаянно, испуганно, как, наверное, никогда раньше. Клионт тоже не спал, но иначе. Мальчишка и так ждал штурма, словно совершеннолетия, а тут его ещё Идакл заметил! Как же после такого завернуться в плащ и засопеть? Как вообще спать под такой луной?!

– Тимезий, – прошипело у самого уха, – ты чего не спишь?

– Не хочу. А вот некоторым не мешало бы...

– И я не хочу. – Клионт перешагнул через Матрея, зацепился за мешок и почти свалился у погасшего костра, чудом не отдавив ноги спящему Арминакту. – Какое оно у тебя всё-таки...

– Такое, – усмехнулся копейщик, – только не больно-то хватай. Грани – хоть брейся!

– Сам не порежешься!.. Хорошо тебе, а моим плащ не сразу пробьёшь... Слушай, ты белобрысого вместе со щитом к дереву пришилишь?

– Я тебе не коняга! Пробить панцирь сил, пожалуй, хватит, но лучше изловчиться руку или ногу подрезать... Ты Невкра спроси, он – лучший.

– Брата вождя?!

– А что? С Идаклом вы теперь приятели...

Замолчал. Думает... А луна все пляшет. По плащам спящих и мраморным восьмиугольным плитам. По краю разбитого фонтана, в былые годы поившего паломников. По наконечнику отложенного в сторону копья... Тимезий видел, как в руках опытных воинов-колесничих копья с такими наконечниками рубят людям руки и головы не хуже тяжёлых секир, а при колющем ударе пробивают тела насквозь... Те, кто перемолол под Ионнеями две фаланги, наверняка теперь в Линдеях. За смешной стеной... За истончающейся ночью... В лабиринте колесницам не развернуться, но мечеглазам они не нужны, да и «краснолапых» вряд ли всех выбили. Это только говорится «последний штурм», а после него ещё добирать и добирать.

– Тимезий!

– Чего ещё?

– А как ты у Ионней? Как ты того белобрысого?..

– А то ты не слышал! – Вспоминать о поражении перед боем – дурная примета. Перед боем вспоминают о победах, но... Но ведь ты, именно ты, тогда победил. Любой ценой выносить отбитые копья – приказ вождя. Прежде всего – оружие и раненые, а мёртвые уже мертвы. Земля одна на всех, это титаны, пока могли, волокли покойников, что познатней, в свои некрополи, людям довольно памяти и победы.

– Расскажи... А то Арминакт всего не видел.

– Арминакт и не мог, он в это время пытался нашу полусотню к холму отвести... А получилось так – когда в первой же схватке удалось «краснолапого» прикончить, мы было решили, что белобрысы прыти-то поубавят, остановятся, мы их на топкое место и загоним. Только не срослось. То ли вёл их кто другой, то ли всё у них навыворот, но озверели они совсем и так врезали, что коняги наши и те сплеховали, да... Не все, но нам хватило. Я с краю стоял, ну кентавры нас, удирая, и задели, человек пять с ног сшибли. Меня тоже. Пока поднялся, фаланга отступила, а белобрысы уже близко... Хорошо, Пифар, вожак, последним шёл, вот я ему на спину и сиганул. Коняги такого не любят, но тут не до ссор было. Он за своими помчался, чтобы вернуть, ну а мне куда деваться, держусь. А тут белобрысый сбоку, и откуда только взялся?.. Меня в расчёт не принял, на Пифара копьём нацелился. Ну, я с ходу со спины Пифаровой и прыгнул. Повезло, как раз в жизни везёт, – мечом прямо в горло попал. Копьё подхватил, Пифар ржёт, довольный, сам меня на спину забросил, и вперёд.

– А меч, ну, который с камнем?

– Так то не мечеглаз был, обычный копейщик, таким длинный меч не положен. А даже и был бы – зачем он нужен...

– Я бы не бросил.

– Ты ещё истукана с площади подбери! Ну выволок бы я эту красоту, а дальше что? Меч без своего мечеглаза хуже собаки без хозяина, та хотя бы сразу недохнет. Уж не знаю, как белокрысы это делают, только в чужих руках меч до первой крови живёт, а дальше – всё! Полклинка – в пыль, рукоять, как из горна, а тебе – конец...

– Тогда ещё больше надо... Ну, набрать таких мечей... Может, их переучить как-то можно. Кровь им свою для начала дать или ещё что?

– А то без тебя никто не догадался! Нет уж, пусть сгинут вместе с хозяевами, а выплавлять железо не хуже мы научимся. Своё и по-своему!

– Тимезий?

– Ну?

– А почему они «краснолапые»?

– Наручи у них красные, – неохотно пояснил Тимезий, и дело было не в том, что не хотелось пугать мальчишку – Клионта нельзя было напугать. – Болтают, что первый «краснолапый» голыми руками разорвал кентавра в самом толстом месте. Царю белокрысых это понравилось, вот и стали лучшие мечеглазы «краснолапыми».

– Брехня! – убеждённо объявил Клионт. – Кентавр – та же лошадь, а лошадь не разорвёшь.

– Лошадь, может, и не разорвёшь, – поддел проснувшийся Матрей. – А тебя – запросто!

– А вот и нет! Ты его раньше заколешь!

– Эй, – хрипло пообещал разбуженный Арминакт, – заткнулись бы, что ли. Я вам не «краснолапый», но как раздеру!

Клионт прыснул первым, но полусотник с Матреем отстали ненамного.

* * *

Жрецов вывели ещё вчера, но храмовый огонь горел, а в священном бассейне журчала вода. Асон чуть разжал пальцы, и зерна пшеницы тоненькой струйкой потекли в пламенную чашу. Обычная жертва воина перед битвой, но Асон принёс ещё и сорванные у входа мальвы. Плоды – Солнцу и Пламени, цветы – Луне и Воде... В память Интис, которую он назвал бы женой, не пойдя всё прахом. Интис нашла иной алтарь. Кто-то шепнул, что Небо ждёт настоящих жертв, и началось... Они это делали по доброй воле. Не все, разумеется, но делали. Женщины, старики, подростки убивали себя, чтобы те, кого они покидают, победили. Уцелевшие к тому времени старейшины не рискнули запретить жертвоприношения, возможно, тоже верили, что поможет. Не помогло...

Прощальные цветы тихо упали в священный бассейн, медленно, очень медленно закружились, отдаваясь от мраморной кромки. Война с людьми тоже была водоворотом: державу сносило к невидимому жерлу, но понимали это немногие. Ниалк их не слушал, а ведь можно было успеть... Выжечь, договориться, уйти, да что угодно, только не ждать грозы под деревом, заткнув уши. Время было – полыхнуло не сразу и не везде. Пока «звёздные» гоняли иклучтов по северо-восточным лесам, те ударили по земледельческому востоку. Ударили так, что вскоре спасать там стало нечего и некого. Первыми это поняли горгоны и исчезли. Их осуждали, но не слишком: летунам было нечего защищать, и хорошо, что они просто убрались за море. Кентавры, те припомнили запрет на жизнь в двенадцати городах, лишение права на вход в храмы, скачки и бои, наконец... Обида слуг, слабость жрецов и старейшин, молчание Небес, они всё и решили.

Асон окунул пальцы в воду, смочил виски и поднялся к древней алтарной плите, узоры на которой вырезали ещё те, с кем говорило Небо. Принёсший жертву мысленно перечисляет тех, за кого просит. «Звёздный» пытался вспомнить нуждавшихся в его молитве и не мог. Они

все ушли раньше – оказавшаяся в центре резни родня, погибший почти сразу наставник, Интис и её мать... Асон был согласен умереть, сражаясь, но прижать к груди слюдяницу, чтобы кто-то услышал и ответил?! Наверное, Интис любила сильнее. Наверное – потому что он её почти забыл, а ведь не прошло и двадцати лет!

Он забывал, гоня лезущие изо всех щелей людские стаи и убивая. Стоя на месте и убивая. Отступая и убивая. Хуже всего пришлось в осаждённых Ниннеях, городе тысячи лиловых колонн. «Звёздные» смогли вырваться и оттуда. И снова схватки, одна страшней другой, и все впустую... Когда в строю осталась едва ли треть, а пробиться к столице не удалось, командир, последний «краснорукий» их отряда, решил идти в Линдеи – там Стурнон, Благодатный и Небоугодный. Его надо защищать, а жрецы скажут, что делать. Пошли... На полдороге, у Ионнейского брода, угодили в ловушку. Копьё несшегося галопом кентавра пробило щит и бедро командира, а секиры людей, скопом накинувшихся на упавшего, довершили дело. Вспыхнувшая в уцелевших ярость позволила не просто прорвать окружение, а изрубить большую часть ненавистных иклотов в куски. Остатки врагов бежали, позволив титанам добраться до берегов Стурна.

Новости, которыми встретили Линдеи, убили и гордость от одержанной победы, и надежду. Столица пала, когда они подходили к Ионнеям. Величайший из городов превратился в величайшую из могил – живых люди не оставляли. Теперь полчища двигались к Линдеям, а отступать было некуда. Кто-то, услышав такое, кинулся на меч, кто-то побрёл куда глаза глядят, кто-то обрёзал волосы и поднял паруса в надежде найти приют у извечных врагов. Асон не осуждал никого, но самоубийство, бегство и плен были ему равно отвратительны. Он остался в Линдеях ждать последнего боя, и их, ждущих, было не так уж и мало. Достаточно, чтобы превратить знаменитый Лабиринт в ещё одну могилу. На этот раз для иклотов.

Вечный ветер Стурнона больше не охлаждал виски – вода высохла, теперь мысли паломника известны Всесоздателю. Отцу богов. Небу, которое лишь смотрит. Что ж, пусть знает... Прощаясь, Асон коснулся алтарной плиты и вдруг осознал всем своим существом: он в самом деле в Стурноне. Пустом. Ночью. Один. И это конец Эпокарийского царства и конец титанов, пусть разбежавшиеся и протянут по разным углам ещё не одну сотню лет.

Путь назад был недолог, но цветов в бассейне уже не было – водоворот не мешкал. Завтра, послезавтра, через неделю воды великого озера возьмут больше, много больше... От ворот Свитков до Стурнона паломники доходили за час, но они шли по цветам, а люди пойдут по собственным трупам. Ну и по трупам «звёздных», разумеется.

Последняя ступенька. Лунный прямоугольник двери, и чёрный силуэт на пороге. Сонэрг, и как же хорошо, что он здесь!

– Не думал, что ты станешь ждать.

– Не на своих же двоих тебе тащиться – рассвет на носу... И потом... Вот.

Гроздь чёрного винограда, недозрелая, ещё с листьями... Как же он пахнет, только что сорванный виноград!

– Отнеси туда... От меня и за всех наших.

– Но почему не ты сам?!

– Полускот, вошедший в освящённый храм. – Сонэрг хохотнул и резко стукнул копытом о камень. Брызнули искры. – Да не в какой-нибудь, а в Стурнон! И «звёздный» на карауле. Кому рассказать...

– Некому рассказывать. И мешать некому, нет там никого. Иди, я подожду.

– Не пойду! – Кентавр мотнул волосами, словно злющий жеребец – гривой. – Раньше, было дело, залезал. Служил тут один, за подсказку на ристалище не только полускота в храм пускал, сам бы кобылой стал... Я и требовал бочонок ниннейского, чтобы выпить у бассейна. Ничего, приволок, выпили... А сейчас иди ты!

– Да почему, приברי тебя Время?!

– А потому! Одно дело – дурачить жрецов, другое – лезть в Стурнон, когда всё кувырком... Нет уж! Пока мне запрещали дураки, я на них плевал. Теперь запретить мне могу только я. И я запрещаю. Отнесёшь?

...Бассейн принял виноградную гроздь, как часом раньше мальвы. Асон не отрывал взгляда от закружившей добычу воды до самого конца. Мысли о прошлом постепенно уходили, словно их вымывало из гудящей головы. Мысли о будущем приходить не желали, и понятно – будущего просто не было. Оставалось лишь осознание настоящего и места его, Асона, в этом настоящем: он – «звёздный», и он будет защищать Линдеи и тех, кто не ушёл. Просто будет, и всё.

Часть вторая

I

Взошедшее солнце ударило в эгиду венчавшего колонну колосса, и Тимезий признал правоту вождя. Это надо снести. Пока над тобой высится золотой истукан, ярма с души не сбросишь, будь ты хоть сто раз победителем.

Таран мерно бил в ворота. Фаланга ждала своего часа в боевом строю, только копья пока упирались в землю, а щиты висели на своих ремнях. Ворота падут, и воины двинутся вперёд извилами лабиринта, с каждым шагом приближая победу, с каждым шагом теряя своих... Тимезий завертел головой, всматриваясь в лица товарищей и встречая взгляды, повторявшие его собственный. Арминакт, Гистий, Матрей... Они не знали, не могли знать, кто дойдёт до победы, кто хотя бы до берега Стурна, кто – ляжет у самых ворот. Умереть в последнем бою казалось особенно обидным, а ведь, было дело, Тимезий боялся умереть, отступая. Те, кто учил его, храброго, но неумелого, выживать и побеждать, почти все погибли, а он учился, и ему, кроме того, везло. Вот и смог дойти до этого гиблого места.

Хрустнуло – дышавший в затылок Клионт раздавил какой-то черепок. Орудующих тараном коняг с места, где стояла полусотня, было не разглядеть, и парень таранился на сверкающего истукана. Главный бог титанов. Небо, прекрасное и недостижимое. Бесплодное. Гордое. Неизменное и меняющееся. Что в сравнении с ним смертные муравьи? Всё! Потому что изгой и бог изгоев Время оскотил надменного отца. Потому что дети Времени свободны и знают радость любви и победы. Пусть они смертны, зато они живут!

– Клионт! – крикнул Тимезий. – Нашёл куда смотреть...

– Что? – Дуралей не знал, что боги порой замечают и муравьёв, а дожить хотелось. Дожить и увидеть то, за что не жаль сдохнуть, но лучше всё-таки уцелеть.

– Ничего. Двинемся – от меня ни шагу. Понял?

Клионт кивнул и опять запрокинул голову. Пришлось врезать по курчавому тёплому затылку.

– Сказано, не смотри! Вот когда вернёмся...

– Ладно тебе. – Мальчишка широко улыбнулся, он не умел злиться на своих. – Здорово же! Надо вместо этой дуры наверх что-то затащить... Или огонь зажечь, чтоб как в порту, только больше. Пусть горит и не гаснет...

– Ишь ты! – присвистнул Арминакт. – Чтоб не гас, значит? А хворост наверх кто таскать будет?

Клионт насупился и притих. Придумывает какую-нибудь корзину на верёвках или ещё чего-нибудь, а маяк, как его ни назови, и правда не помешает. Оливы и огонь, Жизнь и Смерть, что волею Времени Всемогущего владеют всем, кроме душ человеческих.

– Хватит зевать! – Арминакт привычно перехватил копьё. – Коняги своё отколотили, дело за нами.

* * *

Асон не видел, как погибал Сонэрг. Может, он ещё и не погиб, но сердце словно бы сжало за мгновение до того, как сигнальные гонги принесли весть: враг на площади Свитков. С таранами управлялись кентавры, и они же первыми устремлялись в пробитую брешь. Разгоряченных, осыпанных каменной крошкой отступников встречали сохранившие верность. Битвы кентавров были страшны даже на ристалище, недаром туда пускали лишь совершеннолетних мужчин, что уж говорить про нынешние схватки, где конская ярость сплелась с человеческой ненавистью, а ненавидят люди лучше других. Ненависть начинается там, где кончается вечность, вот она и началась.

«Звёздный» сидел на мраморной глыбе, которой так и не стать колонной. Шурился на солнце. Слушал растекающийся по улицам глухой рёв. Ждал. В Лабиринте кентаврам-чужакам придётся плохо. Таранщиков людскому вожаку не сдержать, но когда они лягут, вперёд пойдут люди. Этих встретит ополчение. И не остановит. Ополченцы вправе отступать без приказа, они и отступят. Люди бросятся следом, растекаясь по Лабиринту, теряя строй, забираясь все глубже и глубже... Кто-то упадёт у недостроенных храмов, кто-то найдёт конец у ристалища, кто-то прорвётся к озеру... Сонэргу следовало находиться там, но он пошёл к воротам. «Я не желаю видеть иклутов в Линдеях и не увижу. Пока я жив, они не пройдут, когда они пройдут, не будет меня...» Гнедой знал, чем скоро станет Стурнон, и всё равно сделал по-своему. «Стены Линдей святы...» Стены ли?

Родись Асон четвероногим, он бы дрался рядом с Сонэргом, но «звёздные» будут исполнять приказы, хотя бы рушилось небо, а последний приказ был прост, понятен и не вызывал сомнений. Глупо умирать, забрав с собой десяток, если можешь забрать сотню, а повезёт, так и больше.

– Всё.

– Да, это уже не кентавры...

Люди тоже в бою кричат, но их крики после яростных хриплых визгов – почти тишина. Тишина, которая приближается, а перед ней прибоем катится стук копыт. Вот и они... Шестеро. В мыле и крови, но, кажется, не ранены. Сонэрга нет, а спрашивать – дурная примета. Отвечать, впрочем, тоже. Значит, просто встать и поднять руку.

– Уходящие в бой приветствуют вас.

– Мы к Стурнону, – кидает на бегу рыжий белоногий бородач. – Мы всё помним.

– Мы скажем и за вас, – добавляет ещё один, молодой и златокудрый. Асон видел его на ристалище. Или не его?

– Вы за нас, – подтверждает «звёздный», но он, Асон, ещё и за Сонэрга, Интис, троих вчерашних чудаков... За кружащие в бассейне цветы и огонь, который хотят погасить.

Снова гонги: ополченцы, удерживавшие Хранилища, просят помощи. Они продержались даже дольше, чем требовалось, но ремесленник или художник, пусть и в лучшем панцире, всё равно не воин. Асон привычно коснулся меча, пробуждая заключённую в рукояти «звезду». В глубине полированного камня вспыхнул малиновый огонёк, почти невидимый в солнечных лучах. Почему его «звезда» горит малиновым? Почему о таком задумываешься тогда, когда не остаётся времени ни на что?

– Половина – к недостроенным храмам, – велит начальник, пробуждая уже свой меч. – Остальные – здесь.

Половина «звёздных»! Как звучит, если не пересчитывать...

II

Линдеи на памяти Тимезия были не первым взятым городом, но в опутавшем храмы лабиринте копейщик чувствовал себя юнцом почище Клионта. Пауки, те свою паутину знали, но гостям, да ещё столь нежеланным, приходилось плохо. Белобрысы выскакивали из узеньких боковых улочек, прыгали с крыш, вылезали из вовсе непонятных укрытий и убивали, убивали, убивали, чтобы вновь исчезнуть в проклятом Временем лабиринте. То есть пытались исчезнуть, но удавалось это не всем и не всегда: люди умели учиться.

– Это последний бой, друзья! – не поймёшь в который раз крикнул оказавшийся рядом Невкр. – Несколько часов, и – все... Победа!

Последний, но как же обидно за тех, кто уже не дожил... Упал Гелитат, и тут же – на него – Гистий. Отшатнулся, ткнулся лицом в трижды проклятый линдейский мрамор Детий. То ли ранен, то ли мёртв. Последний бой... Последний! Платить дюжиной своих за одного титана горько, только что подделаешь – здесь по-другому быть не может.

Навстречу прохромал серый кентавр; он припадал на заднюю ногу, как обозная кляча, и то выл в голос, то ругался последними словами. Потом упал на бок, тоже по-лошадиному, и забил ногами. В боку торчал обломок стрелы, рана казалась совсем лёгкой...

– Не лезть внутрь! Улицы... Пока только улицы! – Другой кентавр, на нём – воин в плаще сотника.

– Только улицы, – подхватывает Арминакт. – В храмы не лезть – змеи... Только жечь!

Змеи! Их Тимезий боялся с детства. Больше стрел и клинков. Больше подползавших к самой древне крокодилов.

– Гады, – топает ногой Клионт. – Гады прячутся за гадов! Но это же... Это...

– Это титаны! – зло бросает Тимезий, обходя затихшую тушу. Их полусотня вступала в город пятой, а теперь они идут первыми. Была лекавионская фаланга, осталось... Мало осталось, но золотой истукан не будет унижать людей, хватит!

Топот, яростный боевой визг сзади. Отскочить к стене, оттолкнуть дурака Клионта. Ну и что, что свои?! В бою коняги дуреют! Хриплый крик, ругань. Так и есть, кого-то зашиб! Гигантский гнедой кентавр даже не оборачивается на сбитого, заносит копьё! Кто-то ещё успевает заорать о предательстве.

Арминакт. Теперь ещё и Арминакт!.. Гнедая смерть издевательски хохочет и исчезает в очередном отнорке. С крыш свистят стрелы, две находят свою цель...

– Вперёд, Лекавион! Этот бой... последний! Вперёд!..

Невкр уже без шлема, красный плащ мечется языком ещё не вспыхнувшего пламени, зовёт, приказывает, умоляет. Те, кто шагает рядом, – почти все чужие... Конец полусотнику, конец полусотне. Конец?! Они с Матреем живы! И мальчишка Клионт жив.

– Вперёд, друзья, впе...

Ярость разгоралась с каждой новой потерей, потому они и кинулись на вынырнувшую из дыма блестящую троицу. Тимезий бежал первым, по сторонам не смотрел. Не смотрел и вверх...

– Вверху... зий!!!

– Стой!

Запоздавшее предупреждение заглушил треск валящихся глыб.

Товарищи остались позади, за мигом перекрывшим проулок завалом, но Клионт каким-то чудом проскочил сквозь камнепад и встал рядом. А впереди... Белобрысы. Трое. В своих проклятых панцирях, с гигантскими двухлезвийными секирами. Все преимущества за ними, но твари медлят... Растерялись?!

Чутьё выжившего в десятках схваток воина бросило Тимезия к высившимся у золотёной оградки врагам. Копьё с тяжёлым, чужого металла наконечником змеёй скользнуло мимо выставленной вперёд секиры и с хрустом проломило панцирь. Скривилось не скрытое полумаской шлема надменное лицо... Точно так же открылся рот у прибитого к стене Арминакта. Точно так же!

Умиравший осел у ног торчащих столбами соплеменников. За плечом торжествующе завопил Клионт, а эти двое... Время Всемогущее – трусили! Швырнули свои секиры, повернулись и огромными шагами понеслись назад, туда, где в просвете между стен виднелась какая-то площадь. И ещё что-то большое, с колоннами, на другом её краю.

* * *

Асон даже не успел устать, он только разогрелся. Сначала бой у Хранилища, потом суматошная схватка на Фонтанной площади, несколько стычек с заплутавшими в незнакомых переходах сворами. Перед давешним храмом пришлось отбиваться от пары вконец обнаглевших кентавров, решивших, что справятся с одиноким мечником в ближнем бою. Не справились, конечно...

Пока все шло сносно, то есть сносно для тех, кто думает лишь о деле и живёт единым мигом. «Звёздные» большего и не хотели. Один Асон к полудню взял дюжины две иклутов, а бой ещё даже не выплеснулся к ристалищу.

– Жив? Наших не видел?

Сосед из третьей сотни. Носитель бирюзовой звезды. Был весельчаком. Когда-то.

– Видел. Отходили к водосборникам.

– Сколько?

– Было... было девять!

– Спасибо... А я вот ваших не видел. Порадовать нечем.

Как и огорчить. Храм – нараспашку, наверняка после вчерашнего осталось и вино, и вода, а пить хочется! Всесоздатель, только этого и хочется!

– Проверьте, что там, – чужой десятник, пробегая, устало тычет мечом влево, – а мы – к перешейку! Гоните туда всех. Всех! Хватит тут...

* * *

– Клионт, стой! Стой, кому говорят, одному опасно...

Проклятое копьё удалось выдернуть из туши белобрысого лишь с третьего раза. Вот ведь тварь мясистая!.. И ты хорош, нечего было так стараться! Подсёк бы ноги, и хватит, небось не коняга, чтоб одним ударом – насквозь, а теперь поди догони!

Несколько лишних мгновений, всего ничего, но приятели убитого почти доскакали до угла. Захлёбывающийся от восторга Клионт нёсся следом, потрясая своим копьем. Дурак напрочь забыл про осторожность, и всё же... Тимезий даже замер на пару ударов сердца, уж больно зрелище радовало душу: здоровяки-титаны, побросав оружие, удирают от одного – одного! – человеческого юнца, не достающего им и до плеча.

– Стой, осёл!

Мчится вперёд, будто глухой! А кто бы на его месте слушал? Уж не ты ли?!

Копейщик торопливо оглянулся и с досады сплюнул. Улицы за спиной не было. Пара горящих домов, не вовремя рухнувшие истуканы, и они с мальчишкой оказались вдвоём в этой треклятой паутине, отрезанные от своих камнем и огнём. Невкр сейчас ищет путь в обход пожаров, а это непросто. Лучше выждать или пойти на шум, да куда там! Бегущие уже огибают рогатый выступ, ищи потом!..

– Клионт!!! Вот мелочь глухая...

Здоровенное блестящее тело лежит на пути, словно пытаюсь загородить дорогу. Нога встаёт на божественного титана, словно на зарезанную свинью. Вот и лежи... сын Неба. Трус, а два других труса уже скрылись из виду.

– У-лю-лю! – вопит Клионт и тоже исчезает. – У-лю-лю!.. Бей белобрыхых!..

* * *

Асон расстался с «бирюзовым» на крыше прилегающего к площади дома. Вдвоём было бы лучше, но раз приказано проверить... Сосед кивнул и помчался верхами к водосборникам, Асон, прыгая с крыши на крышу, рванул к соседней площади. Она была пуста – ни врагов, ни своих, жёлтые ромбовидные плиты блестели, словно их подмели заботливые фавны. Титан спрыгнул вниз и пошёл вдоль стены, вслушиваясь в отдалённый гул, из которого вдруг вырвался топот и вопль... Боевой клич иклотов. Ну хорошо же...

Шаг в нишу, за увенчанный каменной вазой столб. Из чаши спадают плети настурций, кружат равнодушные, как само небо, пчёлы. Топот все громче. Топот и какое-то бряканье. Двое или трое. Не больше. Значит, эта ваза не последнее, что ты увидишь, а вот и они...

Двое выскакивают из-за угла. Ополченцы. Безоружные, с одуревшими лицами и устремлёнными в никуда остекленевшими взглядами, они проносятся мимо. Своих ночных собеседников Асон узнал сразу: похоже, бедняга каллиграф уже погиб, но мозаичник с поэтом ещё поживут. Немного.

Бегом через площадь навстречу иклутскому визгу. Теперь беглецы за твоей спиной, крикнуть бы им... Не поймут, а себя раньше времени выдашь.

– У-лю-лю-ю-ю!..

Первый преследователь уже на площади. Одиночка с копьём. Ни на мгновение не задержавшись, кидается на нового врага. Одиночка – это странно, до сих пор меньше чем десятками иклуты не бегали. Мысль эта пришла уже потом, а сначала «звёздный» просто сделал шаг навстречу и ударил. Быстро и точно, как делал многие тысячи раз. Звякнуло о плиты выпавшее из руки человека копьё, и сам он, с разрубленным боком, рухнул следом.

* * *

Звонкое «у-лю-лю», с которым малыш гнал белобрыхых, оборвалось. Это ещё ничего не значило, совсем ничего, но Тимезий побежал быстрее, проклиная жирного титана и собственную нерасторопность. Рогатый угол приближался чудовищно медленно, но человек его все же обогнул. И увидел.

Клионт скорчился на плитах отвратительно-жёлтого цвета. Тёмное пятно, быстро растекшееся под телом, не оставляло места надежде – если кровь так хлещет, все ясно. Убийца стоял тут же. Один из тех двоих, он больше не думал убежать. Крупный, надменный, в блестящем панцире и шлеме. Тварь, подстерёг за углом и ударил, ах ты...

Ненависть швырнула Тимезия вперёд, но совсем сознание она всё-таки не затмила. И когда титан одним коротким движением перекинул из-за спины на левую руку овальный щит, а правой вскинул меч – проклятье, у него не секира, а меч! – человек успел среагировать. Ноги сами унесли тело вправо, подальше от смертоносного клинка.

Время Всемогущее, попался! Кем бы ни были те трусы, но этот... Навершие длинного меча полыхнуло малиновым, без слов сообщая, с кем Тимезия столкнула судьба. Шансов в поединке не было, это человек понял сразу. И простые титаны сильнее и быстрее людей, так захотели дурные боги, а уж мечеглазы! Что сделает бывший погонщик верзиле, начавшему убивать, когда Тимезия ещё не было на свете?

Бежать? Бесполезно – догонит, и десяти шагов не сделаешь. Значит, драться! Драться и тянуть время. Если подоспеет Невкр, они управятся. И не таких страшил брали...

Стоит, молчит, а с меча капает кровь Клионта. Теперь у матери осталось шестеро, а этот стоит и любит... Ведь проиграл, проиграл же, вот и тянет за собой живое, свободное, юное. Ну что, тварь? Думаешь, твоя взяла? Думаешь, убьёшь? Может, и убьёшь, но тебе тоже конец, не сейчас, так к вечеру...

* * *

Второй оказался умнее и, похоже, опытнее. Почувствовал опасность, успел прыгнуть в сторону. Замер, расставив ноги, – оценивает... Ну и мы оценим. Для человека – высок, всего на полторы головы ниже титана. Широкие плечи, сносные мускулы... Доспех из простёганной холстины, на бедре короткий меч. Иклутская работа, таким только горло упавшим перерезать, зато копьё! Древко паршивое, а вот наконечник знакомый. Широкий, зеленовато-золотистый, похожий на лист лилии. Трофей, значит, приспособил. И наконечник, и древко под ним – в алых пятнах. Кровь бедняги-каллиграфа? Другого ополченца?

Убить «звёздного» будет потруднее, а, недомерок? Как просто резать тех, кто строил, пел, лечил. Как просто косить траву, а ты сруби громовое дерево. Своим поганым иклутским топором сруби!

Шаг вперёд. Зов «звезды» успокаивает, помогая собраться. Воин без меча порой живёт долго, меч без воина – до первой крови... Жаль «звезду», почти так же, как Стурнон, как мозаики, которых никогда не будет. Жаль?! Нет, мы ещё живы!

А парень соображает. Не бросился бежать, понял, что глупо. Закружил влево, за щит, копьё наготове. Хочет удержать на расстоянии, выиграть время, а там набегут остальные, возьмут в кольцо. Да, иклут, ты, сразу видно, прошёл не один бой. Все делаешь правильно, но и сам ведь понимаешь, что это бесполезно. Ты молишься Времени? Время тебя и предаст!

* * *

Тимезий попробовал «танцевать», поводя копьём и угрожая сразу и уколom в горло, и секущим ударом по ногам. Если повезёт, мечеглаз промешкает. Вбок, ещё вбок... Золото бликов, злой малиновый луч, стук сердца. Конец? Если и так, то лишь твой. Невкр скоро будет здесь, Невкр и фаланга... Назад, чуть вперёд, опять назад. Бережёт ноги? Тогда на волосок вперёд и сразу отступить. Влево. Пусть взглянет в глаза солнцу. Сперва солнцу, потом – смерти. Только бы продержаться! Перейти эту площадь, дойти до озера...

Не вышло. Мечеглаз тянуть не стал. Мгновенно, одним шагом, сократив расстояние, он краем щита отбил в сторону наконечник копья и обрушил на человека смертельный удар. Отскочить Тимезий не успел, но в последнее мгновение кувыркнулся в сторону и вниз, лезвие с тонким свистом пронеслось над самой макушкой. А вот подняться на ноги уже не удалось – проклятый титан развернулся гораздо быстрее. Стоящий на одном колене Тимезий даже не пытался уклониться от падающего ему на голову клинка, вместо этого он ударил сам, надеясь достать врага в бедро. Надежда оказалась тщетной – мечеглаз словно того и ждал. Он лишь немного качнулся, и золотистый тяжёлый листок, предав человека, ударил мимо. Все... Проклятье... Но другие будут жить! Счастливо. Долго... Будут...

* * *

Каллиграф может спать среди лазурных небесных маков. Его кровь смыта, и не только его, но держался иклут неплохо. А, пустое... Это все уже не важно. Теперь вперёд, пока на площадь не вывалилась отставшая толпа. Теперь всё просто. Пока есть силы, он будет убивать, силы иссякнут – умрёт! Пусть остальные отходят, он останется здесь, у недостроенного храма, в который его вчера занесло. Думать поздно. И искать виноватых. Так вышло, так выпал жребий...

Топот за спиной. Кентавр, только чей?

– Нашёлся! Нашёлся, морда твоя «звёздная»!

– Ты кого-то потерял, Сонэрг?

– Тебя и этих... Думал вытащить хоть до вечера... Не идут, а старину Эрсана убили...

Каллиграфа... Где-то здесь.

– Я так и подумал. Похоже, вот этот и убил. Слышишь? Кажется, пролезли...

Приятеля покойной парочки? Другие? Не важно. Они идут сюда. Идут умирать.

– Встретим-ка их у колонн, «звёздный». Там удобней.

Бегом, положив руку на лоснящуюся гнедую спину. Так он бегал в школе воинов. Так он бегал в восточных горах, так бежит сегодня, в свой главный день. Почему он почти счастлив? Потому что жив? Потому что отомстил за нелепого, от безысходности влезшего в панцирь бедолагу? Потому что рядом друг? А может, дети Неба просто не могут умирать в страхе и боли, пока светит солнце и горит их «звезда»?

– Забыл вчера спросить, ты не из Нинней?

– Нет. Я с востока, а что?

– Ничего... Уже ничего.

Вот они, иклуты, прут навстречу. Сомкнули щиты, два ряда копий уставились прямо в глаза. По давно заведённой привычке бросить взгляд на «звезду», прося немного удачи, перемигнуться с посланным Небом другом, и вперёд!

– Пожалуй, эти, слева, не слишком уверены в себе, а, «звёздный»? Копья в ручонках дрожмя дрожат. С них и начнём?

– Да, Сонэрг. С них.

Двое ещё не побеждённых. Сотня ещё не победителей. Два десятка шагов до смерти. До победы. До вечности. А боги смотрят. Они могут так мало, эти боги. Только зажечь звёзды в душах и смотреть в огонь.

Имя им – легион

Максиму Максимычу

*Мы несём едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*

ДЕНИС ДАВЫДОВ

*Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...*

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Часть первая Стурнийская империя

1102 год Счастливой Эры

Чахлые померанцевые деревца в огромных кадках по обе стороны входа в резиденцию прокуратора напоминали, что ты не на юге, где решается спор Роя и Грифа², и не на севере, где границу прикрывает Октавианов вал и где тоже кипит жизнь, а в самом что ни на есть захолустье. Сухом. Пыльном. Скучном и неизбежном, если хочешь сделать военную карьеру. Сенаторы начинают писцами, военачальники – младшими командирами в забытых Временем крепостях на краю варварских степей. Выдержишь три года, и тебя отправят туда, где ты либо умрёшь, либо пойдёшь в гору, а пока закаляй волю и пиши стихи. Или читай те, что накарывали другие. Не хочешь творить – охоться, пей, таскайся к местным девкам – в свободное от гарнизонного ярма время. Другой дороги наверх в Стурне нет, разве что присосаться к кому-то из уже поднявшихся, но Тит принадлежал к дому Спентадов, а значит, должен был карабкаться на имперскую гору сам.

– Прокуратор ждёт! – возвестил тучный домоправитель, слишком угодливый для свободнорождённого и слишком самодовольный для раба. Вольноотпущенный, надо полагать.

– Иду к прокуратору. – Воин входит с мечом даже в Сенат. Дважды этим пользовались убийцы, но убивать прокуратора Отрамы Тит не собирался. Убивать всех, кто неприятен – это для варварских царьков.

– Кого я вижу! – Плотный бровастый человек с распростёртыми объятиями устремился навстречу гостю. Гость выдавил из себя улыбку и продолжал улыбаться, пока его плечи сжимали начальственные руки. От благородного³ Нуммы пахло кожей, дымом и слегка – кипарисовой водой для бритья. Прокуратор честно выслужил свою должность, пройдя и юг, и север, и всё же было, было в нынешнем хозяине Отрамы что-то от толстого вольноотпущенника. Эта нарочитая радость от приезда в его – *его* провинцию наследника Спентадов, эта торопливость, смешанная с ненавистной Титу фамильярностью...

– Я – младший трибун Тит Спентад, – чётко доложил молодой человек. – Прибыл в распоряжение прокуратора Отрамы. Воля Сената.

– Спентады могут быть лишь в распоряжении Стурна! – усмехнулся рекомый прокуратор, и Тит вспомнил, что отец подозревал Нумму в доносе на старшего Ферта́ра. Впрочем, заговор существовал на самом деле – на редкость глупый, к слову сказать.

– Прокуратор прав – мой дом служит Стурну и порфиноносному Агриппе, но сейчас я в распоряжении прокуратора. Готов отправиться в самую захолустную из крепостей под начало грубейшего из комендантов.

– Второе – к твоим услугам, первое – нет. – Нумма пригладил роскошные, с проседью кудри, и Тит не к месту вспомнил, что Спентады к сорока становятся лысыми, как колено. Самому Титу, впрочем, было лишь двадцать четыре. – Я пошлю тебя в Скада́рию. Тебе что-то говорит это название?

– Крепость. Защищает самый удобный из бродов через Перонт. Заложена сто десять лет назад, в начале нынешнего правления перестроена. Работы окончены в 893 году.

² Золотой Рой («Идакловы пчёлы») и Улей – символы Стурнийской империи. Сжимающий молнии Гриф – символ вечного её соперника Велонской республики.

³ Благородный – в Стурнийской империи титул, означающий принадлежность к одному из 329 семейств, ведущих свой род от легендарного вождя людей Идакла и его братьев.

– Узнаю школу Тита Спентада-старшего. – Прокуратор гостеприимно кивнул на накрытый возле окна стол. – Скадария – хорошая крепость. Настолько, насколько восточная крепость вообще может быть хороша... Это вино тебе должно быть памятно. Не могу отказать себе в маленьких удовольствиях, разумеется, в счёт жалованья, тем паче больших удовольствий здесь не найдёшь. Театры, карнавалы и бега остались в Стурне.

– Я знаю, – улыбнулся в ответ на намёк Тит и отпил. Нумма был неприятен, но если хочешь усмирять врагов – начни с себя, а значит, к грифам неприязнь! – Я хотел бы услышать от прокуратора о коменданте.

– Я назначил его в Скадарию в конце весны. Приск груб и навязчив в той же степени, в какой предан и честен. Это не тот человек, с которым приятно обедать, но научить он может многому. Раньше он присматривал за Южным бродом. Засиделся. Император не любит, когда вояки пускают корни, и император трижды прав. Я не выявил в Южной ни недочётов, ни злоупотреблений и с чистой совестью отправил Приска в Скадарию, а его предшественника – в отставку. Ты так ничего и не сказал про вино.

– Оно выше любых похвал. – Тит не кривил душой, он в самом деле помнил и любил ниннейскую лозу. Любопытно, каким вином Нумма потчевал Фертара.

– Да, имей в виду, в Скадарии тебя ждут две неожиданности. Одной ты будешь доволен.

– Другой, видимо, нет?

– Трудно сказать, но твоё появление эту... м-м-м... неожиданность не обрадует точно. Боишься захмелеть? Приск разбавляет вино водой.

– Это варварство, прокуратор.

– Совершенно верно, но Приск во многом – истинный варвар. Но хоть он и трезвенник, неразбавленное при нём можешь пить смело. Служака слишком плохо ладит с чернильницей, чтобы писать в Стурн, и слишком плохо ладит со мной, чтобы доносить лично, хотя...

Тит молчал, дожидаясь продолжения. Нумма пригубил вино и закончил:

– Хотя я не доношу Сенату о невинных шалостях тех, кто душой и телом предан императору. Да хранит его само Время!

* * *

Скадария встречала вернувшуюся конницу запахом луковой похлёбки, вылизанным двором и довольными – убил бы! – рожами. Стараясь не хмуриться, Приск слез с покрытого степной пылью мерина и выслушал доклад. Столь же вылизанный, как и замощённый местным песчаником двор. Придаться было не к чему, хоть умри! Махнув добросовестному Сервию рукой, комендант залпом выпил услужливо поднесённую воду и, шагая через две ступеньки, поднялся на стену – думать. Он почти привык к Скадарии, но признать её лучшей крепостью степного рубежа мешали девять отданных Южной лет.

Приск понимал, что недавний перевод – повышение, причём скорее всего последнее в его карьере; отдавал он должное и проныре-прокуратору, не взевшемуся на настырного ветерана, но свежоштукатуренные стены и просторные казармы нет-нет да и вызывали ревность. Крепость приводили в порядок без участия Приска, зато стремительный бросок за реку был уже на его счету. Все прошло безупречно! Можно садиться и кропать донесение о том, что жизнь и имущество граждан священного Стурна под надёжной защитой, и испрашивать награды. Дадут. Погладят по шлему и дадут. За Нуммой не заржавеет – прокуратор превратит вылазку в великий поход и вытрясет из столичных чинуш корову для себя и курицу – для Скадарии, а большего от начальства не добьёшься. Уж в этом-то Приск, оттрубивший под «пчёлками» без малого тридцать лет, убеждался не раз. Небёц ушастый, отличная крепость и сносный прокуратор – что ещё нужно, чтобы дотянуть до отставки?

Комендант топнул ногой в тяжёлом, подбитом гвоздями сапоге, шумно втянул воздух и для успокоения уставился на молочную от глины реку. Надо радоваться, радоваться, а не беситься! Гарнизон не подкачал. Не прошло и получаса, как в крепостные ворота заколотил взъерошенный племянник скототорговца, а Приск уже выводил своих всадников. След взяли сразу – скераты и не думали хитрить, а коровы ещё не выучились порхать. Шесть часов погони, короткая схватка, медленное – со стадом не побегаешь – возвращение...

Ночью степняки попытались вырезать спящих «пахарей» и вернуть добычу, только «спящие» не спали. Разбойники угодили в ловушку и теперь отправятся в каменоломни, так что империя оказалась пусть и в невеликих, но барышах. Двое легкораненых и одна захромавшая лошадь – это даже не потери, только вот избегавшие даже приближаться к Перонту скераты не просто перешли его по низкой воде, но забрались на два дневных перехода от границы! И ведь докладывал же, что у Кривой косы нужен постоянный пост, куда там! Вот тебе, старый дурак, твоя крепость, вот тебе твой брод, вот тебе твой гарнизон и не лезь, куда не просят! Он не полез – полезли лохмачи. Хорошо, наглецы охотились за скотом, а не за головами граждан хранимой Временем империи. Плохо, что Стурн переваливает на Время то, что следует делать самим, а в Скадарии втрое меньше солдат, чем нужно, чтобы повесить на границу хороший замок.

«Пока варвары пугают детей великим Октавианом, на востоке не случится ничего страшнее угнанных коров...» «Держать за Перонтом многочисленную кавалерию – излишняя роскошь...» «Лошади жрут даже больше городского сброда, а добывать золото из навоза в казначействе не умеют...» Тьфу, уроды столичные!

– Уроды! – от души рявкнул Приск и потёр разнывшуюся к вечеру спину. Ветеран всегда успокаивался, поняв, где в сапоге гвоздь, а сейчас он как раз это понял. Скераты! Косматые мерзавцы держались нагло даже в сравнении с прошлой осенью. Они и раньше-то мало походили на с детства запуганных страшным соседским императором, а уж теперь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.